

I

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова

**XVI КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ**

Материалы конференции
(г. Архангельск, Поморский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
9–12 сентября 2008 года)

Часть I

*При поддержке проектов
Российского фонда фундаментальных исследований (№ 08-06-06110-г),
Российского гуманитарного научного фонда (№ 08-01-14034-г)
и регионального проекта Российского гуманитарного научного фонда
и администрации Архангельской области (№ 08-01-48181-г/С)*

Москва – Архангельск
2008

ложено в треугольном выступе. Всего известно около 90 фибул этого типа. В основном это находки с низовья Даугавы, примерно 15 фибул найдено в низовье Гауи, две – в Белоруссии.

Фибулы с пальметкой являются самым поздним типом ливских овальных фибул. Они появились во второй половине XII века и являются единственным типом, который встречается в материале средневековых кладбищ, что свидетельствует об их использовании в XIII в.

Свой путь развития ливские овальные фибулы прошли за три века с конца X по XIII в. Сначала женщины носили привозные скандинавские фибулы, но в самом конце X в. начинается местное производство этих украшений. Первые ливские овальные фибулы выполнены как подражание скандинавским образцам. В процессе дальнейшего творческого поиска вырабатываются новые формы и орнамент. Возникшие в результате своеобразного симбиоза скандинавских и местных мотивов овальные фибулы стали неотъемлемой частью материальной культуры средневековых ливов.

*A. Stalsberg
(Trondheim, Norway)*

THE VLFBERHT SWORD BLADES REEVALUATED

The Frankish name Vlfberht is welded on at least 166 Viking Age sword blades found in the Frankish Realm (16–19 ex.) and elsewhere in Europe (148–151 ex.). Vlfberht is regarded as a blacksmith. Since he had a signature and thus was literate, it is unlikely that he was a blacksmith, but rather an overseer or head of the smithery. The smiths were slaves, who only exceptionally were literate. The initial cross in the signature indicates a bishop or an abbot, who was in charge of the armament industry. The meaning of the second cross is not solved.

The smiths probably forged blades for certain army units. The capitulary bans of selling weapons to pirates are taken as proof of such weapons being exported from the Frankish Realm. However, they banned sale to pirates already in the Realm. Monasteries were repeatedly forbidden to let merchants get weapons, which is improbable if there was a legal export of weapons. Enemies, like Arab and Viking pirates, could get weapons by smuggling, ransom and plundering of arsenals and fallen enemies. The conclusions are based on analyses of

the chronological and geographical distributions of the variants of signatures and reverse marks

*Фетисов А.А.
(Москва)*

ЧИСЛЕННОСТЬ «ДРУЖИНЫХ» ГАРНИЗОНОВ НА ТОРГОВЫХ ПУТЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Данная работа посвящена определению численности «дружинных» гарнизонов, контролирующих ключевые торговые-административные пункты на Волжском и Днепровском путях на протяжении X в. (Гнёздово, Тимерёво). Представляется, что это возможно сделать исходя из процентного содержания воинских погребений на относительно полно раскопанных могильниках, либо в случаях, когда число раскопанных курганов достаточно для статистической обработки.

В основу выборки «дружинных» погребений положен признак наличия предметов вооружения в погребальном инвентаре. Оружие в погребении в данном случае является признаком, трактованным самим обществом в качестве социального индикатора: его присутствие было регламентировано обрядом. Не *род занятий*, а *место, занимаемое погребенным в социальной концепции общества*, определяет присутствие оружия в дружинном погребении (Петрухин, Раевский 1980). Оружие здесь выступает как некий символ, социальный маркер «дружинного кургана», в историко-этнографическом отношении являясь устойчивым формальным признаком для выделения погребений этого типа.

Зачастую считается, что все проявления «дружинной культуры» на территории Древней Руси X в. относятся к дружине великокняжеской. В настоящее время все очевиднее, что до середины – второй половины X в. некоторые пункты (Тимерёво, Гнёздово) могли контролироваться независимыми от Киева воинскими отрядами и их предводителями.

При анализе воинских погребений обращает на себя внимание устойчивость процента захоронений с оружием для торговые-ремесленных поселений на Днепровском и Волжском путях – 10–13% от общего числа раскопанных курганов. Устойчивость этого процента говорит об однотипном (функционально) характере при-

сутствия здесь воинских контингентов. В Гнёздово погребения с оружием составляют около 10–13%; в Тимерёво, Михайловском и Петровском – от 11,5% до 12%. Учитывая, что в Гнёздово численность постоянного населения колебалась от 400 до 600 человек (Пушкина 2001), можно предположить здесь численность дружинного отряда около 50–60 воинов (исходя из процентного соотношения погребений с оружием). Материалы центра в Ярославском Поволжье как единого торгово-административного комплекса поселений, дают численность профессионального воинского отряда в 30–40 человек. Подобные размеры дружины реконструируются и для более раннего (IX – начало X в.) Супрутского контрольно-административного центра на Донском пути – около 40 человек (что также составляет около 13% населения памятника) (Григорьев 2005).

Аналогичные по численности характеристики имел в X в. и постоянный воинский отряд Бирки. Типологически близкие торгово-ремесленные поселения Гнёздово, Бирка и центр в Ярославском Поволжье, выполняя одинаковые функции на европейских торговых путях, демонстрируют сходство и в военной организации. В Бирке выделяется участок поселения, т. наз. «Гарнизон», который интерпретируется как местоположение постоянного профессионального воинского отряда. Численность этой дружины современные шведские исследователи определяют ориентировочно в 40 человек (Hedenstierna-Jonson 2006).

Материалы Бирки не только отражают наиболее близкую к Гнёздово ситуацию, но и подтверждают правомерность нашей методики выделения и анализа дружинных погребений для древнерусских памятников. Из 1100 раскопанных в Бирке курганов предметы вооружения содержатся в 102 (Thalin-Bergman 1986), что дает около 10% воинских погребений. Учитывая численность постоянного населения Бирки в 500–600 человек (Gräslund 1980), можно уже только лишь по материалам воинских погребений говорить о пребывании в Бирке дружинного отряда в 50 человек. Эти подсчеты совпадают и с результатами анализа материалов «Гарнизона» Бирки (т. е. поселенческого слоя).

Как видим, размеры отрядов, необходимых для контроля торгово-ремесленных поселений, прямо пропорциональны численности постоянного населения поселка (речь идет лишь об отрядах профессиональных воинов-дружинников, поскольку только их

социальный статус находил отражение в специфическом погребальном обряде).

Письменные источники показывают аналогичную ситуацию. «Сага о Харальде Прекрасноволосом», описывая нововведения Харальда на захваченных землях, отмечает, что каждый ярл в случае необходимости должен был предоставлять конунгу отряд из 60 воинов. Личная дружина Харальда состояла из 50–70 человек: в саге говорится, что она составляла команду одного большого корабля. Обращает на себя внимание тот факт, что по данным как письменных источников, так и археологии, речь идет о воинском объединении, соотносимом по численности с командой боевого корабля. При этом, если для Скандинавии такая связь может быть прямой, то в случае с Восточной Европой это практически невозможно – по восточноевропейским рекам не ходили такие крупные суда. В связи с этим чрезвычайно показателен в сагах ряд сюжетов с описанием вейцлы. В «Саге об Олаве Святом» говорится, что «когда конунги объезжали Уплэнд, с ними было 60 или 70 человек» (в противопоставление Олаву, который однажды взял с собой более 300). Эпизод из «Саги об Олаве Тихом» позволяет трактовать такую численность отряда (60–70 человек) как определенную *правовую традицию*. Когда Олав Тихий объезжал бондов с дружиной в 120 человек, бонды, недовольные таким количеством «гостей», спрашивали Олава «почему у него больше людей, чем *полагается по закону* (выделено нами. – А.Ф.) и чем было у конунгов до него». Можно предположить, что численность личных дружин скандинавских предводителей имела в основе своей традицию («закон»), восходящую к численности корабельной команды – воинам, находящимся с конунгом в бою на одном корабле (своего рода фелаги). Учитывая значительную «скандинавскую вуаль» дружинной культуры Древней Руси, отголоски этой традиции можно предположить и для рассмотренных выше воинских контингентов на торговых путях Восточной Европы.